

190

ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ

*Лия
Корнилова*

Откаты и понты русского языка

Во времена революций и больших социально-политических перемен коренным образом меняется не только материально-бытовой уклад жизни народа, но и его литература, искусство, вся культура в самом широком смысле слова. Не остаётся в стороне, конечно же, и язык. Так было в России в начале прошлого века, когда революция и первые годы интенсивного преобразования общества изменили русский алфавит, потревожили язык в целом. Появилось множество неологизмов, в большинстве своём состоявших из сложносокращённых слов, – *комсомол, колхоз, профком, комбед, командарм*, новых имен, посвященных революционным датам и классикам марксизма-ленинизма – *Октябрина, Рев, Мэл, Эльс, Марлен, Вилен*, иноязычных заимствований – *коммуна* (франц. – *община*), *пионер* (франц. – *первопроходец*), просторечий, жаргонизмов, некомпетентных вмешательств в язык со стороны властей, прочих новаторских прелестей, которые в своем большинстве тогда на благо не пошли.

Да, новые явления жизни страны необходимо было обозначать, но словесной пены на волне революционного энтузиазма было несравненно больше. Так было сто лет назад, примерно так же, но с гораздо большими сдвигами дела обстоят в современном русском языке на стыке прошлого и нынешнего веков. Нынешние языковые изменения сравнимы, пожалуй, с глобальными трансформациями, происходившими в эпоху Петровских реформ. Реформы те, как мы знаем, окончательно перевели средне-русскую языковую систему к ранней современной русской. Пётр прорубал окно в Европу, события же начала XX века дали народу закрытое, изолированное, жёстко регламентированное общество, что в полной мере отобразилось в языке.

Язык в человеческой культуре – явление консервативное. Любое новшество осваивается годами и даже десятилетиями. И чем сильнее консерватизм в языке, тем он долговечнее, тем большее число новых поколений будет слушать и слышать, читать и понимать своих далёких предков. А тут социальный перелом в России конца XX века открыл шлюзы, и в язык устремилась лавина, в которой мусора, к сожалению, оказалось опять-таки значительно больше основных функций языка – объективной передачи информации. Язык, как губка, впитывает невиданные общественно-политические, научно-технические, культурные и прочие новшества и выдаёт их уже в своей лингвистической транскрипции. Но вот от чрезмерной словесной пены сегодня и глаза щиплет, и уши закладывает.

В первую очередь от несметных и необоснованных заимствований из западноевропейских языков. Я не имею в виду разумные нововведения – политические (*спикер, парламент, стагнация*), экономические (*ваучер, дефолт, офшор*), спортивные (*плей-офф, тавгай, драйф*), музыкальные (*реп, ню-кантри*). Речь не о них, хотя и они вызвали огонь на себя со стороны родителей исконного русского языка от Госдумы РФ. Один из самых экспансивных депутатов Госдумы вещал на всю страну по ТВ: что такое *бутик*? Это же просто *лавка*. А воинское звание *капитан*? Это же *есаул* по-русски, старинная должность у казаков. Невдомёк было депутату, что слово *есаул* имеет тюркское происхождение (*ясаул* – начальник). Об исконности любого языка в целом сегодня говорить не приходится, в том числе и русском. Приведу пример тюркизмов в русском языке: *ура* (окружай), *брак* (белое единство), *бо-*

гатырь (байтур, богатур, батыр), *кощей* (кощевник-кочевник) и так далее – *чугун, булат, топор, рать, сабля, колчан, айда, караул, курган, бумага, карандаш, ярлык, язык, друг, товарищ...* Не полнитесь, загляните в словарь Даля, там же в скобочках обозначено происхождение почти каждого слова.

Без взаимопроникновения, взаимообогащения всемирная языковая система существовать не может, особенно сейчас, в век невиданного взлёта науки и техники, новых общественно-политических и международных отношений, а также, наконец, повального глобализма. Я не ратую за глобальную унификацию. Понятно, без своеобразия, своеобразия языков человеческая культура обнищает, как если бы с полей вырвали с корнем все ромашки, одуванчики, васильки и засеяли одними голландскими тюльпанами. Но и другая крайность нелепа, когда заявляют с амвона: мы должны быть патриотами, и всяким там иностранным, чужеродным словам не место в русском языке. Всё бы ничего, дорогой трибун, да вот слово-то *патриот* французское.

Я думаю, лингвистический занос *патриотов* исконного русского языка на данном историческом повороте имеет вполне объективные причины – это необузданное употребление иноязычных, в подавляющем большинстве английских слов и словосочетаний. Сегодня ни один из дикторов ТВ-радио не пожелает вам в конце недели счастливых выходных, но обязательно – ... *уйкэнда*. И такая необязательная подмена бесконечна: *аниматоры, негоцианты, тренды, шопинги, мейкапы, менеджеры, риелторы, криейторы, аутсорсеры, мерчендайзеры...* А смешение языков в словосочетаниях наподобие *Нью-Самоцветы, русмаркет*, кроме недоумённой улыбки и мысли о недалёкости хозяев заведения, ничего не вызывают.

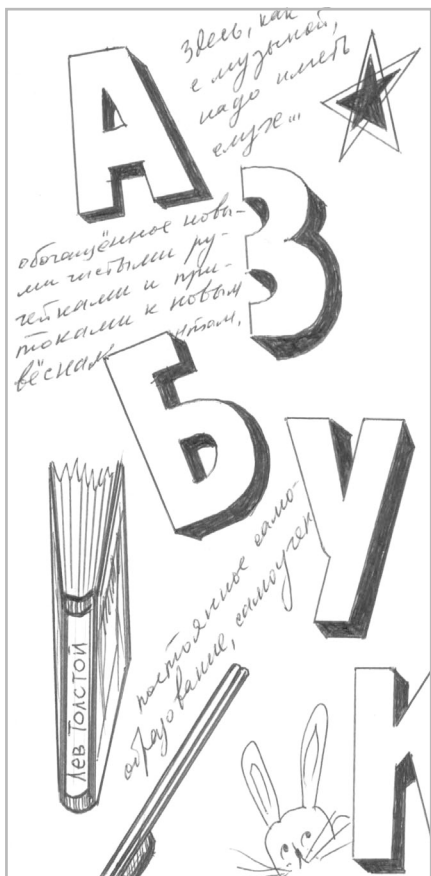
Также стало модно во всякого рода названиях использовать английскую орфографию, если даже слово пишется русскими буквами: *МонингСтарБанк,*

ДевонКредитБанк, ИнвестБанк, Кинг Комп. Но на русском языке между этими словами, во-первых, должен стоять дефис, а во-вторых, у названий на русском языке с заглавной буквы пишется только первое слово, за исключением имен собственных. Вот правильное написание: *Монинг-Стар-банк, Девон-кредит-банк, Инвест-банк.* И наш, на каждом углу рекламируемый татарстанский банк, на русском языке должен писаться тоже через дефис – *Ак-Барс-банк.*

Эпоха перемен привнесла неудобоваримую массу названий-придумок, которые язык не поворачивается назвать неологизмами. Тут уж и русский и английский языки – простите за англицизм – в ауте. *Юкос, Уникс, Эксмо, Мэлт, Фолио, Юландр, Мелита...* – что это такое, из какой экзотической страны пересажено на наше прозаическое нечерноземье?

Язык не самое лучшее поле для самодетальной предприимчивости. Обновлять его дано прогрессу (*компьютер, дискета, флешка*), писателям со своими неологизмами (Д. Свифт: *лиллипут*, Ф. Достоевский: *штушеваться*, И. Северянин: *грезофарс, озкранить*, М. Шолохов: *затравевший двор, заосенять (наступать осенней поре)*, Б. Ахмадулина: *возжелтеть, возалеть*). Недавно радиожурналисты придумали: *услышимся*, по аналогии – *увидимся*. Пока царапает слух, но поживём – увидим, может, и приживётся.

На слуху это, пожалуй, единичный положительный пример изменения языка в эпоху перелома. В своём большинстве журналисты, различные комментаторы, дикторы не просто царапают, а по живому режут слух, насилюют его. В начале прошлого века было заявлено, что страной могут управлять и кухарки. Такое впечатление, что нынче все юные кухарки ринулись в СМИ, и большей частью – на ТВ и радио. И вот уж просто дурно становится от неграмотного словесного потока в эфире, почему-то произносимого с каким-то особым шармом. Особенно часто слышишь: *по приезду*

(надо – по приезде), в конечном итоге (надо – в итоге, или – в конечном счете), в период времени (период – это уже промежуток времени), можете представить (в смысле – представить себе)... 99 процентов вещателей не знают, что одежду одевают на кого-то, а на себя надевают; что слово *вновь* означает *ещё раз, снова*. И вызывает недоумение фраза в рецензии о новом романе писателя: *во вновь написанном романе*. Как это? Писатель своё произведение второй раз написал? Или смешно слышать, когда комментатор-мужчина вместо *волнующее* зрелище, событие и т. п., произносит, как стародавняя курсистка, чисто дамское словцо *волнительный*. *Волнительная сцена, волнительный эпизод...*

В спортивных репортажах часто слышим или читаем: *выиграть чемпионат*.

Но чемпионат выиграть невозможно. Это не соперник. Можно выиграть в чемпионате. Золотые медали, допустим.

Привычным делом стали неправильные ударения – *квАртал*, *звОнит*, *МИзер*, *феномЕн*... На официальных табличках, привинченных к высоким дверям фискальной организации читаем: *инспекторА*. При склонении числительных в девяносто девяти случаях из ста слышим ошибки в окончании первых слов – *сто пятидесяти*, *пятьсот двадцати*. Дикторы, комментаторы радио-ТВ, не говоря уж о простых смертных носителях языка, похоже, и не слыховали, что в числительных склоняется всё число, включая первое слово – *пятистот*, *пятистам*, *пятьюстами*, *о пятистах*.

Нашим современникам, особенно тем, чья деятельность связана со словом, необходимо знать, что исключительным образом противопоказано языку, засоряет, портит его. Скажем, новоявленные штампы, как например, полученные из фраз с применением слова *отслеживать*. Уже давно у нас никто не смотрит, не наблюдает, не следит, а исключительно *отслеживает*. Отслеживают у нас президентские выборы, отслеживают творческий рост певца... Как будто все в России поголовно чекисты и охотники. Словечко-то, друзья мои, из охотничьего лексикона. Зайцев у нас принято было на охоте отслеживать, или какую иную дичь. *Отслеживать* родственно другому охотничьему слову *отстреливать*. Чувствуете родственность? Потом это словечко переняли правоохранительные органы (по сути те же охотники), а вот теперь и вся страна. По этому одному слову можно определить (чуть было не отбарабанила – *отследить*) политический режим в стране и в какой стадии развития находится в ней общество.

Но штампы штампам рознь. Ладно бы они не противоречили законам языка, а то ведь вокруг да около, с любой высокой трибуны и в любом контексте звучат: *две большие разницы* (не сообразит

оратор, что одна разница – это уже две разные вещи; или, в конце концов, оговорится надо: *как говорят в Одессе*). Впрочем, у нас вся страна одна большая Одесса. *На полном серьёзе* говорю. *Вполне серьёзно* сказать опасаясь, можно отстать от парохода современности.

Безусловно, кишмя кишат в СМИ штампы, не противоречащие правилам русского языка, но от этого они не менее липки и скудоумны. *Вопрос, понятно, на засыпку; проверка, безусловно, на вшивость; прав, конечно, тот, у кого больше прав*, а когда говорят о чём-то бесплатном, дармовом, то обязательно вспоминают о *сыре*, который всегда в *мышеловке*. Фразой *талант не пропьёшь* успокаивают даже совершенно не пьющих людей. Не применяет эти избитые словесные конструкции *только ленивый*. Вернее, только ленивому, не думающему и совершенно не чувствующему язык человеку и лепить из них свою речь. Короче, *за что боролись, на то и напоролись*.

Штампованная речь, клишированный, трафаретный язык обедняет сознание, высушивает мозг. Язык ведь, всем известно, первичен, и, кстати, не обязательно для этого цитировать оглянцевавшее от чрезмерного употребления библейское изречение о безусловно приоритетном положении слова.

Ещё одно «новшество» – употребление во множественном числе слов, для которых это противоестественно – *риски, резоны, бизнесы, энергии, масла, крема...* Недавно я услышала о поступлении в редакцию *реакций*. Речь шла не о химических реакциях, а о реакции слушателей на тему... Или: спортсмены, завершившие свои *карьеры...* Какие тут могут быть комментарии, если медведь на ухо наступил?!

Теперь о словах-паразитах. Ещё недавно у нашей интеллигенции было модно почти в каждом предложении произносить *как бы*. Василий Аксёнов замечает: «Это злое «как бы». И приводит пример бездумного употребления его: «Мы с тобой теперь как бы сидим

типа ужинаем». Но пресловутое *как бы*, замечу, сегодня уже анахронизм. Настоящий *писк моды* словосочетание: *на самом деле*. Послушайте ТВ-радио – любая сколь-нибудь уважающая себя творческая или просто образованная личность ни за что не начнёт свой монолог, не украсив начало предложения этим магическим словосочетанием. *На самом деле* – это же, *в самом деле*, не мат-перемат, который, кстати, кроме всего прочего, несёт ту же функцию – связки слов, заполнения пауз, даёт возможность секунду-другую собраться с мыслями, продемонстрировать свою социальную принадлежность – оно, это *на самом деле*, пристойно и *как бы* возвышает стиль речи оратора. А что касается словечка *типа*, которое В. Аксёнов также удостоил шаржа, то оно просто-напросто подмяло под себя все другие синонимы – *в ряду, как, наподобие, вроде...* – и даже превратилось в жаргонизм, какой-то условный знак бла-тарей, «новых русских» и других тому подобных: *типа, я свой; типа, я принадлежу к конкретной братве*.

Не обойти вниманием штормового удара по современному русскому языку, да и всем другим языкам постсоветского пространства, со стороны уголовной фени и родственному ей сленгу преступных группировок, бригад, криминального бизнеса. Вся эта пена омыла не только литературно-стилизированные тексты, теле- и киноэкраны, она перво-наперво просочилась в язык людей, призванных бороться с её носителями, то есть в правоохранительные органы, а затем прочно устоялась в обиходной речи наших граждан и их слуг – чиновников, депутатов, членов правительства... Сегодня отовсюду слышатся: *разборки, откаты, распилы, понты...* Никого это не удивляет и не возмущает. Низменный слог бьёт высокий штиль. Новояз разлома веков, периода раскола общества, легализации криминала беспрепятственно размножается и развивается. Глагол *мочить* порождает тошнотворную *мочилровку*, и наоборот – новоязовское существительное *крыша*

внедряет в язык не менее мерзкий глагол *крышевать*. И вместо того, чтобы пресекать это явление на каком-то интеллектуальном возвышении, наши горе-интеллектуалы сами от этого с удовольствием *тащатся*, легализуя в языке очевидную непотребность.

В хаос периода языкового потрясения свою лепту вносит научно-технический прогресс. Интернет-паутина насыщена письмом, сотворённым по принципу: как слышу, так и пишу – *ща, то-кашто, ваще...* На первых порах можно было бы предположить, что это происходит от неграмотности, но системный порядок новоявленного письма не оставляет места наивному туману. Авторы сообщений не просто подменяют на письме литературное слово разговорным, но и сознательно ломают орфографию, меняют порядок слов в устойчивых фразах. Искажения эти – не только мода, они служат своеобразным паролем, как в случае с *братками*, дающим знать о принадлежности автора послания к определённой компании единомышленников. В обязательном порядке тексты приправлены такими перлами, такими опознавательными знаками, как *отпад, улёт, кайф, грузить, колбасить*. В данном случае может показаться, что эти забавы безобидны, или напротив – являются каким-то поиском самовыражения, а также новых, более простых и доходчивых возможностей языка. Но просвещённому человеку ясно без вариантов: таким языком пользуются люди, в своей жизни разминувшиеся с культурой, образованием, сколь-либо нормальным воспитанием, к тому же юные и по природе своей склонные к нигилизму.

Скажите, бороться со всем этим бесполезно – это явление времени? Соглашусь, перемены, происходящие в стране, не могут не сказаться на языке. К сожалению, перемены эти большей

частью не в лучшую сторону. И люди, профессионально связанные с языком, призванные беречь языковые законы, способные правильно пользоваться главным средством человеческого общения, должны в меру своих возможностей показывать пример правильной, нормативной, литературной речи, подтягивать неучей к своему уровню, а не опускаться до языка подворотен. Обидно, когда наша славная милиция превращается в *ментов* и постепенно, перенимая язык своих подопечных, начинает соответствовать этой уголовной кличке. Обидно, когда по телеэкранам безудержным косяком бегут безграмотные строки, а тележурналисты не отсеивают, не правят их и таким образом способствуют развитию безграмотности. Обидно, когда сами журналисты выступают пропагандистами неграмотного, штампованного, опошленного языка. Обидно, когда с высоких политических и государственных трибун бурным потоком несётся на тебя *мочилровка*.

Понимаю, не всем дано ориентироваться в безбрежном языковом океане. И простой образованности тут мало. Здесь, как с музыкой, надо иметь слух, всячески развивать его, учиться, вслушиваться в словесную мелодику – всё ли ладно, нет ли фальшивых нот, – не ленься, заглядывать в толковые и прочие словари, побольше читать, как это ни банально, классиков. Смее заверить, постоянное самообразование, самоучение сильнее любого институтского образования, данного тебе в специально отведённые краткие сроки жизни.

А что касается будущего русского языка, то нет сомнений, что он, как речной поток после бурного весеннего половодья, найдёт свои берега, войдёт в своё привычное русло и плавно понесёт своё богатство, очищенное от пены и мусора, обогащённое новыми чистыми ручейками и притоками к новым вёснам и горизонтам.